

3. Лоббирующие группировки и попытки структурных сдвигов

Поскольку количество ресурсов в системе было ограничено, внутри управленческого класса, а следовательно — и между экономическими субъектами усиливалась конкуренция в борьбе за ресурсы и капиталовложения. Борьба между отраслями и регионами осуществлялась в форме лоббирования.

ния различных социальных интересов в высших органах экономической и политической власти (ЦК КПСС, Госплан, Госснаб и др.), которые в этих условиях играли роль своеобразной биржи — центров многосторонних согласований. В отраслях аналогичную роль играли министерства и ведомства, а на местах — комитеты партии и подчиненные им советы.

На уровне принятия конкретных решений подобная система распределения дефицита создавала идеальные условия для коррупции. «Советская экономика — чудовищного размаха “черный рынок”, — пишет Л.Тимофеев. — Здесь ничто не продается свободно, все — дефицит, но все, что угодно, можно приобрести, если знать, кому дать»⁵⁸. «Черный рынок» становился дополнительным фактором, усиливавшим дефицит. «Обращают на себя внимание и участвовавшие в письмах жалобы на то, что в ряде случаев дефицит создается искусственно (по вине руководителей магазинов и продавцов)», — писал в сводке писем для ЦК КПСС заместитель главного редактора «Литературной газеты» В.Сырокомский⁵⁹.

Возможности, открывавшиеся перед взяточниками, еще не доказывают распространенной версии о том, что взяточниками были все без исключения чиновники. В системе принятия решений были чиновники, по-разному относившиеся к мзде, и вокруг них складывались кланы, в которых подношения также были приняты в большей или меньшей (вплоть до нуля) степени. Психологический слой элиты, тяготевший к нулю, можно условно называть «пуританами». Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», «пуритане» категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы. Другой круг чиновников, которых условно можно назвать «консерваторами», действовал по принципу «живешь сам — давай жить другим». Поскольку «консерваторы» могли проводить такую политику в существующих условиях, то они и противодействовали переменам как могли. Третий психологический слой элиты — «реформисты» — был готов пересматривать «принципы социализма». Он смыкался с «консерваторами» в своем прагматизме, а с «пуританами» — в стремлении к частичным переменам. За каждым из этих слоев стояли особые социальные интересы. «Пуритане» стремились сохранить за бюрократией ее коллективную собственность — государственное хозяйство. «Консерваторы» снимали «рентные платежи» со своих участков этой собственности, реализуя стремление номенклатуры к слиянию с собственностью. «Реформисты» наиболее полно выражали стремление правящей элиты к преодолению отчуждения от собственности, но, в силу сложившихся условий и опасности реформирования системы, вынуждены были камуфлировать свои, пусть еще смутные, планы под осторожный реформизм «пуритан» и прагматическую лояльность «консерваторов». Это усложняло и запутывало социальную расстановку в правящем слое, приводило к замысловатому переплетению интересов и группировок, которое к тому же накладывалось на противоречия «ведомственной» и «местнической» тенденций, о которых речь пойдет ниже. Такая расстановка сил определяла ход политической борьбы в Москве в 1978—1984 гг. (См. Часть II).

Конечно, государство пыталось контролировать ход борьбы лоббирующих групп и поощрять более эффективное производство, но существующая экономика дефицита стимулировала направление капиталовложений прежде всего в наиболее легкие с точки зрения реализации и в то же время масштабные — экстенсивные проекты. В результате рационализация производства, которая также требовала средств, но не давала столь же видимой отдачи (особенно карьерной), тормозилась.

Затраты значительных средств на строительство новых объектов вовсе не означали ускорения их ввода в действие. В.Селюнин и Г.Ханин считали: дело было в том, что «хозяйственники “зевнули” затухание инвестиционного процесса»⁶⁰. Но затухания не происходило, средства продолжали поступать. В условиях тотальной нехватки ресурсов массовый масштаб приобрело недоосвоение выделенных фондов. Для этого не хватало техники и трудовых ресурсов. Именно такие причины называют секретные записки, готовившиеся в отделе тяжелой промышленности секретариата ЦК⁶¹. Хозяйственникам нравился не результат, а сам процесс освоения средств. Но если раньше амбиции руководителей перевешивали эту запрограммированную неэффективность, то теперь бюрократический рынок брал верх над экономикой дефицита, приводя к состоянию покоя даже казалось бы ненасытный «насос» монополизированной индустрии. Причину этого следует искать не в экономической сфере, а в главном двигателе экономики дефицита — принципе карьеры. Карьерная стагнация («стабилизация кадров»), о которой речь пойдет ниже, не могла не привести к стагнации экономического развития, основанного на карьерных стимулах.

Пытаясь повысить гибкость и эффективность хозяйствования, высшее руководство страны уже с середины 60-х гг. пыталось применить суррогаты классического западного рынка, предвосхищая теорию «конвергенции» А.Сахарова. Ключевым словом реформы 1965 г. стал «хозрасчет». Предприятия должны были строить свои отношения с центром на основе показателя «прибыли». Но в реальности отечественный рынок работал по иным законам, нежели западный, и попытка ввести в него элементы классического рынка давали не те результаты, которые ожидались. Прибыль государственных предприятий не была рыночной и устанавливалась с помощью спускаемых вышестоящими организациями коэффициентов к натуральным показателям. По словам В.Найшуля, «разница между социалистической прибылью и прибылью настоящей такая же, как между милостливым государем и государем»⁶². Применение хозрасчета в 1965 г. было формальным и не дало значительного экономического результата (по подсчетам В.Селюнина и Г.Ханина производственные показатели даже ухудшились)⁶³. Однако показатели прибыли росли — действовали законы планового развития. В соответствии с ними предприятия находили возможность «накручивать» (завышать) количественные показатели, по которым определяется эффективность их труда. Осуществлялось это за счет постепенного роста цен на продукцию предприятий-монополистов. Таким образом, соединение монополизма и элементов западного рынка (пусть и почти формальных) играло роль инфляционного фактора.

Реформа 1965 г. предоставила значительную автономию как отраслевым подразделениям бюрократии (министерствам), так и директорскому корпусу. Это освободило ведомственные «насосы» от «мелочного контроля сверху», и борьба за ресурсы развернулась с новой силой. По мнению В.Пантина и В.Лапкина, «реформа 1965—1968 гг. завершила переход к министерско-ведомственной форме организации промышленности, вывела его на ведомственный простор, открывший поистине неограниченные возможности для экспансии крупной индустрии, после чего “эра реформ” закончилась. Самостоятельность в осуществлении капиталовложений раскрепостила возможности отдельных ведомств, обеспечив им хозяйственную независимость друг от друга. Тем самым был усовершенствован механизм роста в условиях монополии и обеспечена дополнительная эмансипация партийного аппарата от непосредственной хозяйственной ответственности при сохранении за ним полновластия в определении хозяйственной политики»⁶⁴.

Широкие возможности партийного аппарата и директорского корпуса, получившего автономию после реформы 1965 г., вступали в противоречие с не менее широкими возможностями ведомств. Доминирование отраслевых структур вызывало недовольство у тех слоев элиты, которая была организована по территориальному принципу, то есть у среднего партийного звена, включая руководство значительной части обкомов. Все эти экономические противоречия лежали в основе формирования социально-политических коалиций — ведомственной и территориальной («местнической»). К поддержке последней постепенно стали склоняться все более широкие слои директората, недовольного «диктатом» министерств при распределении ресурсов.

Социальный раскол ведомственной вертикали в промышленности привел к серьезным последствиям. Начиная с конца 70-х гг. в правящей элите стали усиливаться «местнические» тенденции. Региональные элиты и их лоббисты в центральных органах все в большей степени заручались поддержкой не только аграрной элиты, традиционно служившей преобладающим кадровым источником для областных руководителей, но и директорского корпуса промышленных предприятий. Впервые с середины 60-х гг. противоречия директоров крупных предприятий со своими министерствами накапливались быстрее, чем с областным руководством.

Эти противоречия уже открыто проявлялись на областных и республиканских партийных конференциях, которые давно не были чисто парадными мероприятиями. Хозяйственные и партийные руководители критиковали здесь хозяйственные органы за слишком большие планы и слишком скупое выделение ресурсов, за «канцелярско-бюрократический стиль работы», за отсутствие средств на социальную инфраструктуру (что вызывало проблемы с привлечением рабочей силы). Аграрии требовали изменить в их пользу соотношение цен на хлеб и промышленную продукцию⁶⁵.

Но как установить убедительные для всех пропорции цен? Столкнувшись с отсутствием значительных положительных результатов реформы 1965 г., партийно-правительственное руководство решило скорректировать хозрасчет. Новый этап реформы наступил 12 июля 1979 г., когда было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров «Об улучшении плани-

рования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качество работы». Постановление предусматривало более жесткий контроль за стабильностью планов, повышение роли натуральных показателей в оценке деятельности предприятий (в частности реализованной продукции, предусмотренной договорами). Всего вводилось 17 основных показателей, по которым должны были отчитываться предприятия⁶⁶. Таким образом центр пытался восстановить контроль за их работой. Казалось, что будет трудно «накручивать» все 17 показателей. Однако никакая ЭВМ не смогла бы оценивать одновременно такое количество характеристик, и этот «разносторонний контроль» мало что изменил. В поле зрения плановых органов по-прежнему оставались 2—3 важнейших показателя, которые легко искажались производственниками. Но постановление 1979 г. положило начало введению одного приоритетного показателя, который оказал воздействие на экономический механизм — «нормативно чистая продукция» (товарная продукция, реализованная по договорам, минус затраты на ее производство). В распоряжении предприятий оставалось 38—40% этого своеобразного аналога прибыли. При этом 16—17% из них пополнили фонды экономического стимулирования предприятия, созданные по постановлению 1979 г., то есть попадали в карман персонала⁶⁷. Стимулирование реализации продукции в денежном выражении привело к тому, что производители-монополисты стали навязывать потребителю более дорогую продукцию. Это были признаки явления, которое в полную мощь проявится в 1992 г. Инфляция еще более усилилась — уже в форме вымывания дешевого ассортимента. Даже сторонник введения нового показателя нормативно-чистой продукции Д.Валовой писал: «Раньше к дефициту, как правило, относились товары, для выпуска которых сырье и производственные мощности были ограничены. В условиях экономной экономики в разряд дефицитных попадают дешевые товары, которых испокон веков у нас было полным полно, — мармелад, леденцы, пастила, сушки, иголки, нитки, зубная паста и ряд другой мелочевки»⁶⁸. Читатели «Правды» отправляли в ее редакцию сотни писем, жалуясь на вымывание дешевого ассортимента. В качестве примеров приводились холодильники «Минск», подорожавшие в два раза при незначительных изменениях конструкции, мотоциклы «Иж»⁶⁹. Дешевые товары просто исчезали — на них тратить ресурсы было невыгодно. Исчезали хлопчатобумажные носки, что также волновало сотни читателей. Несколько человек, написавших в «Правду» во второй половине 1978 г., догадались увязать хлопчатобумажную проблему с поставками хлопка в Юго-Восточную Азию, составившими 40% экспорта в «дружественный Индокитай»⁷⁰. Но дело было не только в этом. Анализируя читательскую почту весной 1979 г., заместитель главного редактора «Литературной газеты» В.Сырокомский писал: «Промышленности, — говорится в письмах, — не выгодно выпускать дешевую продукцию, поэтому она исчезла с прилавков магазинов»⁷¹. Нарастание дефицита было вызвано как исчерпанием ресурсов, обветшанием оборудования, так и хрупкой моделью экономики, в которой любой незначительный сдвиг был разрушителен. Реформа 1979 г. была именно таким сдвигом. Первые шаги в сторону «конвергенции» пока-

зали, что попытка привить сверхмонополизированной экономике элементы свободного рынка лишь обостряли социально-экономический кризис.

* * *

Итак, во второй половине 70-х гг. сверхмонополистическая и бюрократизированная экономика СССР вошла в полосу кризиса, который характеризовался падением темпов роста производства в результате морального и физического старения оборудования, неспособности перейти к новым технологиям (преодолеть барьер НТР), обеспечить запросы населения и выполнение внешнеполитических задач обострения дефицита ресурсов. Эти факторы, в свою очередь, были результатом преобладания консервирующих сторон бюрократической экономики над стимулирующими. Прежде динамичная экономика оказалась между «молотом и наковальней» карьерной стагнации и приближения пределов роста при данном техническом уровне ресурсодобычи.

Попытки решить проблемы сверхмонополизированной экономики, формально прививая ей элементы капиталистического рынка (институты «прибыли» и т.д.) лишь усиливали кризис, стимулируя инфляцию и усиливая, таким образом, социальную напряженность. Одновременно экономический кризис провоцировал обострение экологического и социально-психологического кризисов, а также усиление социально-политической борьбы. Накладываясь на демографический кризис, он также ухудшал состояние национальных отношений.

Таким образом, вынужденное нарушение целостности хрупкой сверхмонополизированной индустриально-этакратической системы привело ее на грань нарушения пределов прочности. Дальнейшее развитие производства и культуры, необходимое для обеспечения неизбежно растущих потребностей населения и нужд обороны, делали неизбежным преодоление этого предела.

Примечания

1. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 5.
2. См. например: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. New York, 1982. С. 13. Гелнер М. Пришествие национализма. Путь. № 1. 1992. С. 17, 48, 56.
3. См.: Восленский М. Номенклатура. М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Сахаров А.Д. О стране и мире. Нью-Йорк. 1975.
4. Подробнее о чертах бюрократии см.: Шубин А.В. Гармония истории. М., 1992. С. 126—140.
5. Подробнее см.: Тоталитаризм в Европе в XX веке. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1997.
6. Сокирко В.В. Экономика 1990-го года: что нас ждет? С.1. Сборник самиздата В.Прибыловского. 1984 г. Архив Шубина А.В. Ф. 3.

7. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 30—32, 44—45.
8. Там же. С. 50.
9. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 396. Л. 207—208; Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 123.
10. Корягина Т.И. Анализ, оценки, прогнозы // Теневая экономика. М., 1991. С. 41—42.
11. Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч.
12. Найшуль В. Указ. соч. С. 53.
13. After Brezhnev: Sources of Soviet Conduct in the 1980s. Bloomington, Indiana, 1983. P. 69.
14. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Уроки горькие, но необходимые. С. 232.
15. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 6.
16. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 16.
17. Maddock R. The Political Economy of Soviet Defense Spending. L., 1988. P. 182.
18. After Brezhnev. P. 140.
19. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 104.
20. Постановление ЦК КПСС. О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР. Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. М., 1979. С. 10—11.
21. Подробнее см.: Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 230—252.
22. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 214. Л. 27—28, 68—70.
23. Корнаи Я. Указ. соч. С. 587.
24. СССР в цифрах в 1983 г. Краткий статистический сборник. М., 1984. С. 64—65.
25. Корягина Т.И. Указ. соч. С. 37.
26. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 353. Л. 8—9.; Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 30.
27. Горбачев М.И. Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 1. С. 185, 184.
28. Совместное заседание Комитета по аграрным вопросам и фракции Аграрной партии Государственной Думы РФ 13 июля 1995 г. Статистические материалы по докладу д.э.н. Института США и Канады РАН Чернякова Б.А. Аграрные преобразования в США и России: этапы, цели, последствия (1895—1995). Архив Шубина А.В. Май—август 1995 г. С. 6.
29. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 183.
30. Совместное заседание... С. 14.
31. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 20.
32. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерк теории. М., 1991. С. 41.
33. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 75. Д. 246. Л. 35.
34. Там же. Оп. 76. Д. 213. Л. 4.
35. Совместное заседание... С. 1.
36. Там же. С. 9.
37. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 184.
38. Совместное заседание... С. 13.
39. Там же. С. 11.
40. After Brezhnev. P. 96.
41. Op. cit. P. 162.
42. Корнаи Я. Указ. соч. С. 211—212.
43. Там же. С. 213

44. Там же. С. 562.
45. Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 120.
46. Корнаи Я. Указ. соч. С. 565—570.
47. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 245—246.
48. After Brezhnev. P.69.
49. Швейцер П. Указ. соч. С. 100.
50. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Бернес В.В. III. Пределы роста. М., 1991; Забелин С. Что нам стоит дом построить. Уроки кризиса СССР // Берегиня. 1998. № 4.
51. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 367.
52. Там же. С. 375.
53. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 248.
54. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 374, 376.
55. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 182.
56. Там же.
57. Сокирко В.В. Экономика 1990-го года: что нас ждет? С. 2.
58. Тимофеев Л. Зачем приходил Горбачев. О теневых влияниях в большой политике. М., 1992. С. 51.
59. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 19.
60. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 233.
61. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 424. Л. 3—4, 25, 29.
62. Найшуль В. Указ. соч. С. 58.
63. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 244.
64. Пантин В., Лапкин В. Что остановилось в эпоху застоя? // Погружение в трясину. С. 163.
65. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 102. Л. 7—8, 128, 135—136.
66. Постановление ЦК КПСС. О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма... С. 13—15.
67. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 21.
68. Валовой Д. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991. С. 249.
69. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 75. Д. 246. Л. 25.
70. Там же. Л. 28, 51.
71. Там же. Оп. 76. Д. 213. Л. 189.